

Червиньски П.
Катовице, Польша

Chervinsky P.
Katowice, Poland

ЯЗЫК
СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ:
СЕМАНТИКА ПОЗИТИВА
В ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ (6)

LANGUAGE
OF THE SOVIET REALITY:
SEMANTICS OF POSITIVE
IN DESIGNATION OF PERSONS (6)

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Аннотация. Статья содержит разработку заключительной пары параметров фрагмента системной модели, лежащей в основе советского образа и представления действительности в отношении позитивных признаков человека. Применительно к месту в модели характеризуются номинативные единицы действующего / организуемого (боец, борец, защитник, страж, витязь, вождь, пахарь, подруга (боевая), профактивист, создатель, строитель / юнармеец, колонист (беспризорник), пионер, комсомолец, октябренок, коммунист (член партии), деткор, допризывник, гагаринец и др.). Представленная как многоуровневая система может служить примером идеологических и политических вербально-концептуальных и смысловых построений.

Abstract. The article contains elaboration of two concluding parameters of a fragment of system underlying the Soviet image and representation of reality concerning the positive attributes of man. In their position in model there are characterized units of being in action / being organized (боец, борец, защитник, страж, витязь, вождь, пахарь, подруга (боевая), профактивист, создатель, строитель / юнармеец, колонист (беспризорник), пионер, комсомолец, октябренок, коммунист (член партии), деткор, допризывник, гагаринец and so on). Introduced as multilevel system can serve an example of ideological and political verbal-conceptual and semantic constructions.

Ключевые слова: язык советской действительности, обозначения лиц, семантика позитива, советская языковая картина мира, язык и идеология, парадигматическая модель описания.

Key words: language of the Soviet reality, designation of persons, semantics of a positive Soviet language world picture, language and ideology, paradigmatic model of description.

Сведения об авторе: Червиньски Петр, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

About the author: Chervinsky Petr, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of the Russian Language.

Место работы: Силезский университет.

Place of employment: Silesian University.

Контактная информация: ul. Grota-Roweckiego, 5, 41-206, Sosnowiec, Poland.

E-mail: czerwinski.piotr@gmail.com.

Семантика двух последующих параметров в рассматриваемом фрагменте парадигмосистемы [см. Червиньски 2008; 2009/1, 2, 3, 4; 2010/1] будет вращаться вокруг советской идеи позитивного действующего. К представлению действующего, в порядке описанных ранее соотношений, можно прийти исходя из первоначальной идеи носителя необходимого признака, идеи, далее, репрезентанта, или достойного представителя советского социума в разных его, т.е. социума, проективных частях, а также идеи деятеля системы, составляющего ее самоё, а также необходимого ей и в ней. Действующий, тем самым, становится завершением продвижения от точки начала в отдельном, как отдельности сингулятива, через количество, множество, переход к включающему, охватывающему числу в представителях квантитатива, через точку строения, организации и устройства системы (структуратива) к точке действия, проявления в действии, к агентиву.

Указанную идею можно было бы выразить следующим, представляющим ход характеризующего продвижения, порядком:

Точка начала (один, отдельность, сингулятив) > число (распространение, увеличение, группа, объединение, коллектив, представители, квантитатив) > строение, структура, организация, система, устройство (структуратив) <

наполнение структуры смыслом > действие, проявления в действии, функционирование системы, в системе и для системы, функциональный агентив.

Обратить внимание в данном случае следовало бы на предшествующий завершению и не обозначенный ранее компонент – наполнение смыслом, направляемый в обе стороны, к устройству системы, с ее предварениями в квантитативе и сингулятиве, и к завершению в действии, агентиве. Компонент этот можно представить стоящим над построением, равно как и в его глубине, пронизывающим, пропитывающим, заключающим, облекающим, включаемым, охватывающим собой. И можно представить так, как это представлено в схеме – предшествующим завершению, втягивающим в себя для него идею всего предыдущего и вводящим, одновременно, смысл, насыщающим смыслом завершения то, что стоит, оказывается перед ним. Своего рода сообщающий мост, мышца движения от одного к другому и одного в другом. Последнее, т.е. действие действующего и агентив, приобретает смысл, тем самым, в соотношении и контексте трех предшествующих, как обобщение и насыщение своих предшествующих.

Принятая для описываемого представления парность имманентного кумулятива и при-

даваемого аддитива [Червиньски 2009/1: 135] обращивается для действителя соотношением действующего либо задействуемого (организуемого) лица. Действующего в нужном направлении, с должным участием, силой, отдачей, т.е. самозабвенно, преданно и не щадя себя. Задействуемого – втягиваемого, призываемого, ставящегося, в какое-то занятие, движение, мероприятие, объединение, т.е. во что-то, куда-то, с какой-то целью. Все это, как первое, так и второе, следуя из советской созданной, создаваемой, запущенной и запускаемой постоянно в ход системы (во многих отношениях равной самой действительности и приравненной ей), вращается вокруг идеи общего, пронизывающего всё, построения социализма и коммунизма, социалистического, коммунистического общества как финитной цели.

Действитель, тем самым, в искомом определении должен воображаться как исполняющий, осуществляющий то, что следует из его внутренних свойств обладателя советски желательных признаков (1), из его принадлежности советскому коллективу, вхождения в него (2) и из его отношения, сопричастности к советской системе (3). Все это, соответствующим образом ориентируя, направляя и заряжая его, пробуждает в нем силу, способность, возможность необходимого действия, проявления в действии, т.е. действования. **Действование**, таким образом, следовало бы воспринимать не столько как собственно действие и даже не столько как проявление в действии, сколько как ориентированное, повернутое, маркированное устремлением к нужному действию и проявлению в действии отношение к нему. Предполагается видимое отношение, допускающее его восприятие как начальную фазу выхода из состояния покоя (1), инициальное выдвигание, предрасположенность, пробуждение, ориентированность, поворот к нему в точке исхода. Как мобилизуемую, напрягаемую, собираемую, кумулируемую готовность (2) к возможному проявлению силы в точке возможного разворачивания. Как само это разворачивание в проявлении направляемых к исполнению мобилизованных сил (3) и как поддержку, обеспечение (4), защиту их, этих сил, в их движении, с тем чтобы обеспечивать одновременно необходимое, полагаемое, закладываемое во всё это достижение результата (5). Тем самым и соответственно, действование предполагает в своем таком назначении и сам достигнутый, осуществленный, либо только возможный и представляемый в его достижении и стремлении к этому результат.

Поскольку действитель выступает как завершающий, насыщаемый и насыщающий смыслом общего продвижения к цели, своего рода идейный, этап, воплощаемый в объединении признаков, облакаемых формой отмечено обозначаемого, называемого необходимым советским образом, человека, постольку немало-

важным и показательным может быть обращение под этим углом к этой самой, названной нами финитной, цели. Ею, этой финитной целью, в не всегда проявляемом ощущении, в потенции, пресуппозиции и социальном (прежде всего) контексте, определяется смысл производимого в разбираемой вербально-номинативной действительности. Не обязательно при этом действительности реального и происходящего, но в действительности представляемого и осуществляемого в общем и целом всегда.

Финитная цель, понимаемая как строительство, построение социализма и коммунизма, социалистического и коммунистического общества, с предположением создания, воспитания нового человека, советского человека, строителя и одновременно члена создаваемого строя и общества, – эта цель в интересующем нас отношении, применительно к действителю и действованию в общем системном движении, должна бы быть соответствующим образом определена. Определена в предполагающем подобное уточнение повороте и как такая, точнее как то, что проявляет, ведет себя как насыщающее всей запускаемой тактами в ход системы.

Подобное определение, в совмещении идеи лица, идеи движения к конечной, поставленной и заявленной, цели, самой идеи, как цели и как идеи, имеющей философский, социальный, социологический, исторический, политический, психологический смысл, в неизбежном, для внедрения ее в действительность и сознание, представлении человека, лица как объекта и материала, предполагает и соответствующее восприятие как себя самоё, как финитной цели-идеи, так и воплощающего в себе всё это идеи самого определяемого нами человека-лица. Человека, лица как подобного рода идеи.

Человек, при таком понимании, предстает как желательный образ, идея стремления в императиве для движимых, побуждаемых, мобилизуемых, энергетизируемых и направляемых к достижению поставляемой перед ними цели масс и как средство, орудие и объект-вещество, материал в индикативе. Отнюдь не случайно обозначаемый в своем объединено представляемом множестве словом *масса*: гр. *μάσσω* ‘месить’ > лат. *massa* ‘глыба, ком, кусок’ > *massiv* ‘большое пространство чего-л. однородного’, от фр. *massif* ‘тяжеловесный’, и вслед за этим *масса* ‘материя, субстанция, величина, определяющая ее инертные и гравитационные свойства; мера инертности тела по отношению к действующей на него силе и источнику поля тяготения’; *масса* ‘вещество в виде густой или полужидкой смеси чего-л.’; *масса* ‘множество, огромное количество чего-л.’ и ср. в этом ряду, важное для нас понимание представления *массы* – ‘широкие круги населения, народ’ [Вейсман; ЛРС; СИС]. То есть, тем самым, как то, что в потенции своей составляет материю людского

множества как множества массы тяжеловесного вещества, с его инерцией, тяжестью, источник поля какого-то к нему тяготения, притягивания, стремления, осуществляемого в действии на него, приложении силы, той, что предполагает значением *месить* – воздействующем давлении, оказываемом на него с целью подвинуть его, зарядив, придав, передав ему, сообщив через это *месить*, к исполнению, с его помощью и при его посредстве, и вместе с тем также им самим, на нем, через него и в нем, то, что мыслится действующими и сообщающими как ему и им, и всему процессу необходимое и желаемое, его конечная, финитно-экзистенциальная цель. Из этого следует представление о человеке, лице как о массе и части массы, частице ее. Своего рода массовидное изображение, восприятие, понимание сущности человека и его существа.

На этой основе выводятся признаки, воспринимаемые как параметры описания и параметры состояния человека-массы, которое, мыслясь и предлагаясь сознанию для системы, советской в разбираемом случае, как состояние **экзистенциальное**, сопровождается общей, пронизывающей идеей действия его и с его стороны – как результата, следствия оказываемого воздействующего давления на него, но в модальности достигаемого оптатива, приписываемого, сообщаемого и представляемого в советском случае как модальность реальности, т.е. индикатива, времени будущего-настоящего. Того настоящего, в котором зерна, ростки и начала будущего, которые надо видеть, лелеять, насаживать и растить. Того настоящего, которое воспринимается в категориях, представлениях и с позиции достигаемого будущего, будущего стремления-тяготения к нему, отодвигаемого и придвигаемого по инициативе, по вкладываемой идее на данный момент, а потому и как настоящее, само по себе, как презент в своем собственном, реальном существовании, для себя, и не важного, не существующего ради себя и для себя самого в его несущем в себе, в своем внутреннем потенциале, человеке-массе. Человек этой массы-массива есть человек оптатива равного индикативу времени настоящего, существующего в своем устремлении к будущему. И в этом также закладывается, состоит его идея как действующего и самого действующего, как признака и проявления, через смещение, замещение в категориях предикатности времени, настоящего-будущего, в настоящем будущем, и модальности – индикатива как оптатива.

Тем самым, в конечном итоге, необходимо учитывать три последовательных замещенных одно другим, с переносом акцентов, отождествления, взаимодействующих и совмещаемых: 1) человек есть масса, равен массе, приравнен массе, существует как воплощенное множество, форма существования множества всех других, подобных и равных ему, а потому и идея

его, такового множества, воплощенная, экзистенциальная, явная, наблюдаемая и оперативная, в отличие от собственно массы, т.е. форма воздействия на него (действие и действительность); 2) индикатив, реальное, есть не что иное, как оптатив, желаемое, тождествен, равен и предпочитаем ему; 3) настоящее не просто воспринимается с точки зрения будущего, оно, в известном смысле, уже и приравнивается ему, существующая в сознании не как действительность бытия, а как действительность устремления к обозначенной цели, известной заранее, обозначенной и подчиненной, отданной полностью ей. Равно как и будущее воспринимается как конечная цель устремления (через действие оптатива) человеческого массива субъекта-объекта и материала в воображаемо-представляемом настоящем к нему. То есть – как неопределенная форма финитного состояния оптативного агента. Человек при таком понимании выступает как форма заряжено-движимой массы, а эта масса – как смысл человека, фигурирующих в сознании, точнее для него, как некое целое, единица, определяемая в индикативе=оптативе и настоящим=будущем отношением к осуществляемому в сообщаемом действии финитному завершению как желаемому достижению и одновременно цели-концу. Человек=масса следует понимать как форму-смысл, единицу сознания и бытия, постоянно замещаемого агентом массива, заряженного (им же) неуклонным стремлением к обозначенной в конечном и сообщаемом движении перспективе. То есть, тем самым, как человека=массу=проспекцию=цель.

Параметральные признаки отмеченного единства должны содержать показатели множества однородного, мыслимого и существующего в совокупном единстве и на огромном пространстве людского массива, из чего следуют представления о квантитативе совокупного целого (глыба, ком) очень большого объема и величины в проекции к столь же большому, тянущемуся во все стороны и во всю ширь пространству. Эти признаки, определяемые по показателям 'множественное' (*multum*), 'однородное' (*homogeneum*), 'существующее' (*vivum, existuum*), 'совокупное' (*conjunctum*), 'единого целого' (*integrum*), 'огромное' (*magnum*), 'пространственное' (*extentum*), 'людское' (*hominum*), можно рассматривать как исходные для последующих, представляемых в отношении к силам воздействия с целью желаемого побуждения к действию – действованию и задействию так понимаемых человеческих масс.

Второй ряд, таким образом, будет составлен из показателей действующего, воздействующего на массы, агента силы воздействия и диспозитива финитной и промежуточных целей планируемого, закладываемого к осуществлению, стремлению к достижению, движения в побуждаемых к этому массах. Воздействия, связываемого неизбежно с идеей *месить*, т.е.

посредством давления, во-первых, формировать, создавать, необходимо-желаемую консистенцию, вид, состояние, *нужную массу*, придавая ей должные свойства, в той и из той, что имеется, из существующей, но не оформленной и для агента бесформенной, не сконцентрированной и не собранной массы. С тем чтобы, во-вторых, сообщать, придавать ей необходимый заряд, побуждающий, направляющий ее, эту созданную и желательным образом сформированную, полученную и получаемую в результате воздействия, массу, к совершению, осуществлению, исполнению также необходимо-желательных действий, направленных на достижение объявляемой и выносимой вперед, в перспективу, в отодвигаемое по времени будущее, финитно-экзистенциональной цели. Финитной – как окончательной, венчающей и завершающей, а экзистенциональной – поскольку определяющей сущность существования самих этих масс. Все это, с одной стороны, как реальное положение советской действительности и как постоянно проигрываемое, повторяющееся, с другой стороны, в ней высказывание-дискурс имеет и вписывается в соответствующую модальную и временную рамку – модальности опатива как индикатива и времени будущего, воображаемого и полагаемого присутствующим, но в настоящем для настоящего как его, настоящего, оправдательный смысл. Что фактически в неизбежном итоге уничтожает смысл одного и другого, делая равным образом нереальными (псевдореальными) как будущее, так и его, того будущего, не существующее для себя настоящее, стирая какую-то необходимую между ними для их восприятия и временной ориентации грань.

Рассматриваемое действие и человека как действующего следует, в связи со сказанным, воспринимать во всем этом ряду. Действование, иными словами, было бы тем проявлением заряженного, подвинутого к указанному совершению человека=массы и потенциального действующего как носителя признаков нужным образом сформированных масс и самих этих масс, нередко в неразграничении категориально того и другого, которое обнаруживает себя в состоянии (для позитива) постоянной готовности воспринимать сообщаемый ему воздействующим агентом заряд, реагируя на него ожидаемо-предсказуемым образом. Определенная возвратная замкнутость этого действующего как потенциально себя обнаруживающего и во многом внутреннего, по сути, процесса – быть заряженным и каждый раз заряжаться так, чтобы правильно и в желаемом направлении воспринимать очередной заряд – является следствием того самого смысла, о котором речь и который собой насыщает рассматриваемое движение в указанных ранее фазах запуска, мобилизации сил, поддержки потенциального выхода, обеспечения осуществленной поддержки и мыслимого достижения в результате. Или, для

уточняемой схемы, в точке начала, числе, строении (с наполнением смыслом) и проявлении в действии. Смысл этот связывается, в конечном итоге, с идеей необходимости продуцирования такого *массива* массы и человека массива-массы, который был бы массивом (человека и массы) открытым и восприимчивым для того заряжения, сообщения, придания, запуска к действию и движению, которое необходимо для осуществления заряжения, сообщения, придания, запуска к действию и движению и т.п. Финитная цель всего этого продвижения, состоящая в создании направляемой к своему собственному созданию массы, может выглядеть и показаться как самоценная и лишенная очевидного смысла с уходящей и отодвигаемой всякий раз перспективой с ее ощущаемым при этом стремлением в бесконечность. Конечным итогом и средством к его достижению для масс представляется при такой постановке вопроса не что иное, как обладание создаваемыми и достигаемыми в процессе такого создания свойствами. По достижении, обретении этих свойств, для массы и человека массы как действующего в указанном направлении, должно себя исчерпать и закончиться намеченное к этому продвижение. Обладание свойствами, таким образом, полагается во главу угла, становится необходимым истоком, желаемым образцом, а также и вместе с тем и желательным результатом.

За схемой такого движения, вне ее и над ней оказывается воздействующий на массу агент. При этом, при ясности объявляемой роли такого агента, скрытой оказывается не объявляемая его собственная финитная и опосредующая ее промежуточная цель (либо цели). Обладание свойствами, полагается необходимым для достижения в отношении человека масс, в отношении агента предполагается не столь, если вообще, актуальным. Для него актуальным, из схемы, должна быть способность осуществления своей направляющей и запускающей роли как роли приводящего все в соответствующее движение распорядителя. Способность, поддерживаемая и обеспечиваемая позицией, *поставлением* к ней, в организуемой, создаваемой структуре, массами, с помощью масс, но не для них, для него. Агент, тем самым, в рассматриваемой парадигмосистеме, становится позиционером, обладателем места, позиции в создаваемой социальной структуре. Лицу продуцируемого советского позитива, как представителю направляемого движимых масс, приписывается роль обладателя необходимо-желательных свойств, предполагающих и допускающих в нем возможность указанного воздействия. Обладатель позиции и обладатель свойств в создаваемой ими совместно схеме не противоречат друг другу, как реально, так и в осуществляемом устремлении к действию, т.е. действовании. Обладатель позиции объявляется как обладатель свойств, достигая позиции и

укрепляясь, ставясь на ней, утверждаясь именно на таком основании. А обладатель свойств, потенциальный, стремящийся стать либо только предстать таковым, движется в этом общем стремлении идеей и целью быть и стать в конечном каком-то итоге обладателем искомой позиции. Позиция, следовательно, предполагает свойства внутренне и по договоренности, а свойства, потенциально, т.е. опять-таки внутренне, стремят себя претворить, воплотить в позицию, найти в ней свое подтверждение и свое оправдание. Одно тесно связывается с другим и предполагает другое. И это еще одна, и финитная, если правильно, в соответствии с нужным каноном, ее понимать, и опосредующая, сообщающая движение, цель, что, в свою очередь, предполагает и допускает необходимое уточнение для рассматриваемого понимания действия и действующего.

Возвращаясь к идее рассматриваемого в данной статье параметра (действия / задействия в системе), признаки первой фазы, начала действия следовало бы воспринимать и описывать как его отправную точку, запуск, исход (1), с последующими отображениями в фазах мобилизуемой готовности (2), выхода направляемых сил (3), их поддержки-обеспечения (4) и достигаемого результата (5). Признаки эти ориентируют, подбирают к себе, включают, втягивают в орбиту своего проявления признаки, выведенные и охарактеризованные ранее как исходные для последующих, т.е. для актуальных и релевантных к параметрам, в каждом таком параметре ориентируемые, подбираемые для себя. Тем самым, выведенные по показателям признаки 'множественного' (multum), 'однородного' (homogeneum), 'существующего' (vivum, existuum), 'совокупного' (conjunctum), 'единого целого' (integrum), 'огромного' (magnum), 'пространственного' (extentum), 'людского' (hominum) являются признаками не заряженного включением в системное действие материала-объекта как массы массива и вещества. Признаки второго ряда, по показателям действующего на эту массу массива агента воздействия и диспозитива целей закладываемого к достижению движения в побуждаемых массах, эти признаки следовало бы рассматривать и определять как параметральные, распределяющиеся, разделяющиеся в параметрах.

Сложность известного уровня отвлеченности не позволяет с необходимой наглядностью отобразить рассматриваемую парадигмосистему без обращения к воплощающему все это языку. Языку советской действительности в номинативных его единицах, названиях указанных образом воспринимаемого, точнее было бы говорить существующего для сознания (и подсознания), человека. В связи с чем все дальнейшее, предполагающее определение признаков и значений параметра действия для кумулятива и задействия для аддитива, будет показано с привлечением выбранных

номинативных примеров. Условность и неполное совпадение того, что передает, воплощает в себе лексическая семантика советски ориентированной номинативной единицы (слова и словосочетания) и семантика признаков, объединяемых в некоторые ментальные по своему существу единицы, насыщаемые признаками описываемой парадигмосистемы в ее параметрах, эта условность и неполнота, как следствие всякого несовпадения мысли и слова, тем более в их проекциях к узусу реализаций, должна будет себя объясняющим образом разрешать в последующем, на основе и после отображения, выведения, описания признаков параметральных.

К кругу действующих, в нужном направлении и с должным участием, силой, отдачей, самозабвенно, преданно, были отнесены объединения признаков, ощущаемые в номинативах *боец (революции, за дело рабочего класса, социалистического фронта, за высокое качество продукции), боец, боец (за народное счастье), защитник (рубежей, отечества), страж (границы, неба, рубежей), витязь (красный), вожак (комсомольский, молодежи, настоящий), пахарь (юный, голубой нивы, зеленой нивы, моря, воздушный), подруга (боевая и в лозунге сто тысяч подруг на трактор, т.е. та, с которой действуют вместе, рядом, совместно, дружно, понимающая, поддерживающая, на которую можно положиться, рассчитывать, верная, настоящая), профактивист, создатель (народ-созидатель, социализма, новой жизни), творец, трудящийся, труженик, часовой (границ, рубежей, воздушных границ, порядка).*

Прежде чем разнести, как это делалось при описании предыдущих параметров, представленные номинативные единицы по соответствующим ячейкам признаков, с определением и уточнением их параметральной семантики для парадигмосистемы, попробуем на материале нескольких из отобранных единиц показать, уточнив, ряд особенностей самой процедуры. Процедуры, а тем самым характера, соотношений исходного ряда (признаков человека массива-массы в его проявлениях к multum-homogeneum, vivum-existuum, conjunctum-integrum-magnum, extentum-hominum) и ряда, рядов, уточняющих признаков с заряжаемым включением исходных и этих последующих к действию, или действованию.

Для начала рассмотрим проекции первой группы номинативов *боец – революции, за дело рабочего класса, социалистического фронта, за высокое качество продукции* и он же, *боец*, как потенциальное воплощенное представление обо всем таком чем-то подобном с включением перечисленного, в объединении, совокупности. То есть как единицы вариативных проекций и единица инвариантного целого в интересующем нас языке. Рассматриваемый *боец* перечисленных, равно как других подобных им, сочетаний –

боец агента, т.е. проявляет себя как действительность, в отличие от бойца принадлежности и наделенности (квантитатива и сингулятива), описанных ранее [Червиньски 2009/1: 143-144]. Из этого следуют некоторые особенности его восприятия и понимания, которые необходимо учитывать. Вероятные для него характеристики представителя соответствующего объединения (о военнослужащем или члене военизированной организации по словарям), показателя принадлежности (квантитатива), будут отличны от агентивных. Равно как отличными от тех и других будут и показанные в отношении наделенности (сингулятива): 'тот, кто своими действиями, своим участием в... проявил себя как наделенный ... качествами'; 'тот, кто проявил себя как наделенный бойцовскими качествами – настойчивостью, упорством, умением бороться до конца, способностью действовать по-боевому' – относящиеся к составляющему наделенность значению активизируемой направленной наступательности (заряженной силой и волей готовности необходимым образом действовать); 'тот, на кого можно и следует полагаться, поскольку, будучи, в случае необходимости, ударно-опорной силой направленного революционного, преобразующего движения-действия, способен, проверен, в том отношении, что обеспечивает возможность осуществления, выхода этого действия от себя, из себя вовне' – относящиеся к подзначению обеспечение выхода заряженной силой и волей готовности.

Признаки агента следует представлять в отношении к действительности. Иными словами, боец революции должен восприниматься как тот, кто соответствующим образом действует, действовал, способен к действию, заряжен им, направлен на действие, устремлен к достижению, поддерживает, обеспечивает выход, начало, осуществление, проявление его. А потому ли, что, будучи членом какой-то военной организации или в силу участия и обладая какими-то определенными свойствами как у бойца, для агента не важно.

Оттолкнемся при определении интересующих нас признаков от дефиниции, предлагаемой в [ТСЯС], тем более, что взятые для описания сочетания привлечены из него: **БОЕЦ**, -йца, м. 1. *Борец, тот, кто отстаивает что-л., передовик, активист в какой-л. области.* == **Боец революции (краснозвездной гвардии, за дело рабочего класса)**. Патет. ... == **Боец социалистического фронта**. Патет. ... == **Боец за высокое качество продукции**. Патет. ... == **Боец на фронте просвещения**. Патет. ... ****Красный боец**. Патет. *О революционере, защитнике советской власти, в т.ч. воине-защитнике*. В свою очередь слово *борец*, используемое в качестве определяющего эквивалента, синонима для *бойца* толкуется в отношении 'тот, кто борется во имя защиты, осуществления чего-л. (обычно передового, прогрессивного)' [ТСЯС: 61, 62].

Вопрос, который должен бы заинтересовать в связи с представлениями об агентиве, один из возможных вопросов, можно было бы сформулировать в отношении вероятных и для параметра актуальных отличий, имеющих для него значение, т.е. дифференцирующих, различительных признаков для него, между, скажем, *бойцом революции и бойцом за дело рабочего класса (бойца краснозвездной гвардии)* хотелось бы отнести к принадлежности, т.е. к параметру квантитатива, тем и другим и *бойцом социалистического фронта, за высокое качество продукции, на фронте просвещения, красным бойцом* и т.п. Одни ли и те же признаки, качества следует видеть во всех этих видах бойцов, и тогда их отличие бы создавалось проекцией, плоскостью вероятного проявления? То есть во всех этих случаях дело бы шло об одном и том же наборе, типе, виде обозначаемого позитива для человека и разницы между ними не было бы никакой – боец он везде и во всем боец, и лишь обстоятельства, время и место делают из него бойца революции, за дело рабочего класса либо чего-то другого. Отвлечемся от явно метафорических переносов – *бойцов социалистического фронта, за высокое качество продукции, на фронте просвещения*, поскольку не это важно при интересующем нас описании, ибо всякие употребления, независимо от их характера и номинативной природы, содержат признаки, поддающиеся определению в парадигмах параметра. Поставим вопрос иначе. Равен ли в наборе своих семантических признаков тот боец, который *боец революции*, бойцу, который *за дело рабочего класса*, а эти два бойцу, который *социалистического фронта*, соответственно три перечисленных – *бойцу за высокое качество продукции* и т.п.? Как хотелось бы думать и как представляется в рамках поставленной нами задачи, равно как и в отношении ощущаемых для них свойств в изучаемом языке, различие между ними есть, и это различие недостаточным было бы представлять как следствие неизбежной диффузии, соединения идущих друг другу навстречу признаков, сочетающихся в единице аппликативно – от *революции*, от того, что она содержит и предполагает, к *бойцу*, равно как и от *социалистического фронта, высокого качества* и пр. все к тому же (или все же другому) *бойцу*. Следствие или причина того или иного объединения слов, но все эти виды возможных *бойцов* представляются разными и если не полностью различающимися в составе предполагаемых признаков, то все же в какой-то имеющей смысл и свое значение части. Довольно широкий спектр семантических проявлений заложен, впрочем, и в определении ТСЯС: 'борец, тот, кто отстаивает, передовик, активист' можно рассматривать далеко не только как уточнения одного другим и одного через другое, но и как акценты, признаки слова в своих значениях и проявлениях.

Попробуем теперь разрешить непосредственно интересующий при описании, а потому параметральный и агентивный (если все-таки он) вопрос – чем отличается тот боец, который при революции, от того, тех других, который, которые будут при чем-то другом? Отвлечемся на время от тех включений, которые вносят в семантику слова признаки, знаковые для языка советской действительности и ориентирующие в какое-то поле описываемое значение позиции лица, диффузные, от революции, социалистического фронта и пр. Эти признаки требуют своего уточнения в дальнейшем. Сконцентрируемся на признаках, направленных в сочетаниях от боец – ‘такой, который (при революции, при чем-то другом)’, или, традиционно, ‘тот, кто...’.

Бойца революции можно было бы определить как такого уже состоявшегося, проявившего себя в более-менее отдаленном прошлом, а потому находящегося в состоянии покоя, приостановленности, своего рода sleeping mode в современных понятиях (впрочем, не это важно для данного определения) действителя, который действует – действовал, может, способен действовать, для определения этот признак вне времени и модального отношения, – во имя исходной и поворотной идеи, исходной по отношению к устремлению к финитной цели и поворотной по отношению к предполагаемой и необходимой для этого смене общественных и политических обстоятельств, к замене, собственно говоря, одной действительности на другую, не советской и досоветской на ту действительность, которая будет и станет советской. *Боец революции*, тем самым, боец обрыва и замещения, т.е. боец абруптива. Как таковой, он обладает качествами не просто бойца как борца, а готового верить, открытого и открывающего, участвующего в исходе, втягиваемого и втянутого (историей, обстоятельствами, но и предрасположенностью к этому собственных качеств) в центростремительный, становящийся центробежным поток – революции и затем становления советской действительности с их движением к финитной цели, построению социализма и коммунизма.

Из всего этого следуют признаки, качества бойца революции как ‘того, кто является действителем, направляемым, руководствующимся внутренним императивом, активного, устремленного к достижению результата преобразователя существующего (существовавшего в прошлом) порядка вещей во имя обеспечения возможностей реализации в некоем отдаленном, не видимом будущем для него самого, той финитной цели, которая меряется глобальной величиной всеобщего блага’. Центром, ядром представленного в порядке определенных признаков значения, тем центром, который соотносим с ведущей идеей описываемого бойца, было бы отношение преобразователя, но ведомого, направляемого агентом цели извне. Наве-

дение смысла такого преобразователя-действителя к идее бойца предполагало бы представление о его готовности по команде, по требованию, к применению силы, к воздействию, вплоть до физического, военного, вооруженного, т.е. боевого, использования необходимых ресурсов и средств, и, если шире и отвлеченнее, к борьбе, принуждению, одолению и уничтожению противящихся других.

Тем самым, в итоге по признакам получаем набор, состоящий из представления в центре идеи готовности по императиву к силовому воздействию на тех, кто препятствует, во имя преобразования, изменения существующего положения вещей для достижения поставленной, ставящейся и исходящей от агента императива, финитной цели. Признаки ‘множественного’ (multum), ‘однородного’ (homogeneum), ‘существующего’ (vivum, existuum), ‘совокупного’ (conjunctum), ‘единого целого’ (integrum), ‘огромного’ (magnum), ‘пространственного’ (extentum), ‘людского’ (hominum), определенные ранее как исходные, присутствуют в этом всем, заключаясь и распределяясь по-разному в идее силового воздействия (multum, homogeneum), в идее тех, кто препятствует (vivum, existuum, conjunctum, hominum), в идее преобразования всего этого как существующего положения вещей, уточняясь и определяясь признаками второго ряда, включающими, вбирающими их в себя, по показателям, соответственно, действующего на массу массива (воплощаемого и представляемого для данного случая в идее бойца) агента и диспонента финитной и промежуточных целей для достижения результата. Агента возможного к своему объявлению императива-толчка для достижения результата преобразования, каузируемого, задаваемого и начинающегося осуществляться участием, действиями, действием бойца. Интересующий нас боец (революции), таким образом, может быть определен как действитель в смысле идеи готовности к охарактеризованному и стимулируемому агентом порядку и роду активных переворотных действий. В связи с чем, в этой точке определяющей для него готовности (состоявшейся в прошлом для наступившего и ожидаемого будущего), как имеющий воспитательное значение позитив-образец для последующих поколений, может быть отнесен, в совокупности обозначенных признаков, к позиции мобилизующего / мобилизуемого, заряженности готовностью действовать в охарактеризованном смысле. То есть к позиции 2 пятитактного устремления рассматриваемого параметра.

Боец за дело рабочего класса от бойца революции, отвлекаясь от правых распространителей смысла, отличается в первую очередь признаком не актуализированного в нем абруптива. Это не столько преобразователь, готовый действовать по зову императива, сколько надежный и стойкий борец (во имя защиты, осуществления, по определению в ТСЯС). Акцент

его смысла, центр характеризующих признаков относился бы, собственно, не к идее готовности, открытой к принятию императивного зова и действию в заданном направлении, сколько к идее внутренней силы, потенции и способности, предрасположения и призвания к высокой, ответственной миссии, роли спасающего, совершающего и выносящего рабочие массы из темноты угнетения к свету освобождения, справедливости и добра. *Боец за дело рабочего класса* – тот, кто всегда начеку, в боевой готовности, но понимаемой не в отношении готовности действовать по мобилизующему толчку, а в отношении бдительности, внутренней собранной мобилизованности, осуществившей, реализовавшей и постоянно реализуемой в нем самом готовности к выходу из состояния покоя, к запуску для движения собственных сил. Меньшим значением в связи с этим обладать будет и скрыто не объявляемая финитная цель. Этот боец будет действовать предположительно в направлении не столько преобразования форм существующего, сколько поддержки осуществленного выхода движимых к своему освобождению сил – *multum, homogeneum, vivum-existuum, conjunctum-integrum, magnum, extantum-hominum* здесь понимаются в отношении производителей общего материального блага, т.е. *productor*, а не *consumptor*, по показателю в первую очередь *magnum.prod.* Тем самым, значение этого вида бойца может быть начато в определении от точки 4.1. в предполагаемом для него описании, т.е. в позиции обеспечения выхода движимых сил (4) с проекцией их к ожиданию выхода из состояния покоя, возможному запуску в каждый какой-то момент (1). Роль агента и диспозитора для проявления этого вида бойца состоит в идее общей мобилизации к действию через запуск движения в ход. Боец – значит призванный, мобилизуемый и поставленный к осуществлению какой-то задачи, в том числе и прежде всего боевой, тем самым, действующий по какому-то общему плану, исходящему не от него. Агент, таким образом, проявляет себя через общее действие и широкий подразумеваемый контекст, не прямо действующий и на такого бойца непосредственно не направленный. Отсюда его, бойца, большая отвлеченность от явно советской ангажированной значимости и большая, чем в первом случае, обобщенность роли.

Боец социалистического фронта акцентирует своим смыслом идею ударничества, готовности действовать самозабвенно, преданно, не щадя себя, не жалея сил. Это боец точки 2 с переходом в 3 – мобилизация постоянной готовности к проявлению в действии, предполагающем неуклонное, постоянное, поступательное развитие (построение общества, социалистическое строительство как действие). Вместе с тем это боец достижения, почетный участник общественного движения-устремления, отмеченный своим активным участием как

званием, зарекомендовавший себя с соответствующей стороны, достигший своими действиями, проявлением в общем действии, каких-то видимых результатов, позволивших так его характеризовать (значение позиции 5).

Боец за высокое качество продукции воплощает в себе мотив неуклонности, постоянства стремления, упорства в достижении поставленной цели. Мобилизуемая готовность, как общая составляющая, претворяется в нем в идею неостановленности, неуспокоенности, постоянства бдительности, но не во имя предотвращения каких-то грозящих опасностей, не для борьбы с противниками, не ради преобразования существующего. Это бдительность в отношении недопущения, непопустительства, ненарушения необходимого представления о лучшем, о том, как единственно правильно и исключительно должно быть (претворенное воплощение достигаемого в общем движении-устремлении приближаемого будущего) – применительно к производимому, результируемому в осуществляемом действии продукту создания человека. Продукту того человека и тех людей, которые в *деле рабочего класса* заявляют о себе, проявляют как производители, т.е. те, ради которых и во имя которых осуществляется все это высокое достижение. Воспитательное значение такого бойца, такой его роли, тем самым, заключается, состоит в своего рода смыкании двух позитивных мотивов – мотива движения к светлому социальному будущему освобожденного человека труда (финитная цель всего предприятия) и мотива продукта его труда как меры высокой цели и пробы и одновременно как средства в таком своем качестве достижения цели – на данный этап и момент и через это финитной, конечной. Рассматриваемый боец становится тем соединяющим стыком звеном, который, в силу своих проявляемых в постоянном и неуклонном движении-действии по достижению лучшего качества (решительность, твердость, готовность, неустрашимость, отвага), способен сомкнуть, осуществив собой, в себе, на себе, все то, что без его такого участия неосуществимо – как сооружение дороги, пути, моста, построение дома без материала укладки, ложающегося постоянно все дальше, выше и неуклонно вперед. Семантика такого рода бойца могла бы описываться точками напряжения между 1 и 3 с их вершинным объединением в 2: напряженная неуспокоенность в точке 1 через силу активной мобилизации в 2 разрешает себя в постоянстве стремления к 3. Это поиск, волнение с интенсивной разрядкой в необходимости постоянно усовершенствованного действия. *Боец* неуспокоенного поиска становится средством и материалом использования в русле поставленных целей. Те его качества, которые делают из него бойца по внутренним предрасположенностям (в силу неуспокоенности в поиске и устремлении к лучшему в нем самом), а не по назначению, месту и роли

(поскольку призвали и сделали из него бойца, поставив в ряды с другими), дают возможность вывести очень важный, если не определяющий признак идеи бойца как инварианта. Боец – это в первую очередь тот, кто по внутренним своим качествам (как в разбираемом случае) либо качествам, для него предписанным, должен быть в постоянной готовности к бою, т.е. готовым («боеготовым») действовать по команде, императиву, без переспросов и уточнений, без размышлений и взвешиваний и, что самое главное, без выяснения причин. Боец в этом смысле и качестве предстает, таким образом, как **действователь немотивированного императива**.

Боец на фронте просвещения обнаруживает способность, определяемую со стороны агента и диспонента как необходимо предписываемую, в крайнем случае желаемую, воспринимать любое порученное, поручаемое, приделываемое задание, а также свою общественную позицию и социальную роль как неуклонно осуществляющуюся, совершаемую, происходящую и производимую всеми участниками борьбу. Борьбу, в которой нет места на колебания или сомнения, в которой задача, цель и противник ясны, по условиям и в мысль которой от бойца и участника ожидаются четко спланированные, скоординированные и согласованные на всех возможных участках и с командирами действия, направленные на достижение результата. Этот боец, определяя словами В. Маяковского *мобилизованный и призванный*, центром смысла имеет такое действие, которое, направляясь ко благу всеобщего достижения, складывается своей частью на это благо как в сотах пчелиного улья и сложных сооружениях муравьев. Только в единстве (*integrum*) множественного и однородного (*multum-homogeneum*) как совокупного (*conjunctum*) становится достижимой огромность (*magnum*) пространственного как временного, тянущегося (*extentum*) людского (*hominum*) массива на будущие века. Муравьиность усилий описываемого рода бойца, привязывая рассматриваемую для него идею к труду, полагая труд, строительство как боевую задачу, что-то вроде сооружения пирамид, при котором нет места для категориального проявления свойства каждого, но только совместность массива усилий не различаемых по своим отдельностям боевых элементов объединенного множества имеет свой смысл и дает результат, – эта идея отображает и воплощает себя в напряжении точек 2 и 4 с вершиной в 3. Пирамидальность как формирующий общее представление смысл предполагает не только проекцию поступательности с последовательным усилением при движении вверх и вперед¹, но и закладываемое в его мотивацию внутреннее позиционное ощущение того, что нижние этажи людского пространственно-временного массива служат поддержкой и материалом для следующих этажей. Позиция точки 2 предполагает готовность к

действию в его стимулированном развитии, с передачей, как эстафеты, другим, что, равно как со стороны таким образом действующего (нацеленного к такому действию, направленного к нему в точке 3 как точке необходимо и постоянного устремления), так и со стороны принимающих эстафету обеспечивает (4) его продолжение во времени и пространстве людского (*extentum-hominum*) для нового и последующего движения от 2 к 4 через, в посредстве и в смысле идеи и цели, 3. То есть действие, имеющее своим смыслом воспроизведение, воспроизводство, последствие в новом действии, подобном по замыслу, но на новом пространственно-временном для людского массива этапе.

Красный боец («о революционере, защитнике советской власти, в т.ч. воине-защитнике») в соответствии с ТСЯС) может быть охарактеризован как действователь в отношении позиции обеспечения (4) в ее поддержке и сопровождении собственно действия (3), т.е., тем самым, в направленности от 4 к 3 (3 ← 4). Красный боец – констатация, утверждение наличия, существования, присутствия в происходящем такого готового действовать в случае надобности преданного бойца, который не подведет, который на страже, на которого можно рассчитывать как на силу, способную защитить, оградить, обеспечить.

Для идеи и смысла *бойца* как инварианта, как следует из описания, важным, тем самым, объединяющим разные проявления, становится представление о готовности, понимаемой и разворачивающейся в различных своих ответвлениях – как открытости действию императива, как внутренней собранности, мобилизованности, готовности к выходу из состояния покоя, к запуску для движения собственных сил, как готовности действовать самозабвенно, преданно, не щадя своих сил, как готовности постоянства бдительности с переносом на производимый необходимый продукт, как бдительности общей совместной и разделяемой всеми и каждым ответственности, предполагающей дальнейшее самовоспроизводство, как бдительности позиции общей защиты и обеспечения достигаемого и достигнутого на каждом возможном этапе такого пути. Расходящиеся от общего их собирающего, вбирающего в себя и разводящего центра перечисленные виды готовности в разных соотношениях и сочетаниях предполагают проекции все тех же пяти валентно-векторных точек исхода с его выдвиганием, выходом из себя (1), кумуляции, мобилизации, собирания, сжимания внутренних сил и средств (2) для дальнейшего выхода в осуществляемом проявлении-действии (3), обеспечиваемого необходимым для этого сопровождением и защитной поддержкой (4) для достижения предполагаемого результата (5). Объединяющим, центробежно-центростремительным, вбирающим и испускающим вероятные смыслы-проекции,

пунктом рассматриваемого инварианта *бойца*, в отношении описываемой модели парадигматического представления советской действительности, будет признак, условно отмеченный термином боеготовность, понимаемая как внутренняя предрасположенность действовать реактивно, побуждаясь императивным толчком, без включения сдерживающих, тормозящих, преобразующих, претворяющих, искажающих исходный посыл, рефлексий и побуждений. Признак этот, иными словами, предполагает выключение сферы эго-контроля, руководящего целями достижения себя для себя, с замещенным включением, подключением этой внутренней сферы контролю внешнего – эго агента и диспонента, объявляемого и представляемого как воплощение социального, общего эго движущихся к тому же самому и совместному в своих целях массивов трудовых человеческих масс.

Для более полного понимания описываемых значений и описательной процедуры имело бы смысл рассмотреть, может менее обстоятельно, для контраста и иллюстрации, ряд других примеров. Возьмем для этого пары *борец* и *борец за народное счастье*, с одной стороны, *подруга*, которая *боевая* и которая в лозунге *сто тысяч подруг на трактор*, с другой (в сопоставлении с возможной, если таковая себя проявляет, *подругой*, но не вообще, а подругой действия, подругой как действительность – инвариантной для боевой и с теми, той, что на трактор, и им подобным). И сопоставим две эти пары (тройки) с группой *пахарь* – который *юный*, *голубой нивы*, *зеленой нивы*, *моря*, *воздушный* и *пахарь* всего этого и с этим другого подобного как объединяющий их инвариант и включающий проектив.

Если *бойца* как действующего, в различных его проявлениях, объединяла идея готовности действовать, руководствуясь внешним немотивируемым императивом², то *борца* такого же агента можно было бы воспринимать как того, кто борется (*бороться* – 'отстаивать, добиваться осуществления' в 3 знач., согласно МАС). *Борец* в ТСЯС толкуется в отношении и с упором защиты: «1. Тот, кто борется во имя защиты, осуществления чего-л. (обычно передового, прогрессивного). == **Стойкий (передовой) борец революции (за рабоче-крестьянскую революцию)**. Патет. О защитнике (в том числе воине-защитнике) Советской власти в первые годы ее существования».

Борца, таким образом, имело бы смысл определить в отношении постоянства силы, направленной в нем постоянно (на что в связи с этим можно рассчитывать, полагаться, что в нем использовать и запускать) на обеспечение и защиту, поддержку (отстаивания) выхода движущихся, направленных на достижение, сил. Его позиция, следовательно, распределялась бы между точками 3 и 4, с выходом из 3 к 4 и обратным, поддерживающим и стимули-

рующим в нем использование действующих и заряжаемых сил в направлении к 3, т.е. в схеме это выглядело бы как 3 ↔ 4, от 3 к 4 и затем, в поддержку и побуждение к действию, от 4 к 3.

Как следовало из представления инварианта *бойца*, такое общее воплощение далее, в вариантах, реализуемых словосочетаниями (но не только и не обязательно только ими), способно потенциально распределять себя, уточняясь в позициях всех пяти точек с дальнейшими переходами между, того же уровня, и переходами к – для последующего. То есть по схеме $N \rightarrow N_i$, равно как и $N \leftarrow N_i$ или $N \leftrightarrow N_i$ (для того же уровня) и $N.N_i...$ (для последующего). Иными словами, если *бойца* как агентивного инварианта составляло описанное соотношение $2 \leftrightarrow 3$, а его варианты *боец* (который *революции*), *боец* (который *за дело рабочего класса*), *боец* (который *социалистического фронта*), *боец* (который *за высокое качество продукции*), *боец* (который *на фронте просвещения*) и *боец* (который *красный*) можно было бы представлять как различного рода соотношения от этой исходной для них позиции ($2 \leftrightarrow 3$) точек 2, 4.1., $2 \rightarrow 3.5$, $1 \rightarrow 2 \leftarrow 3$, $2 \rightarrow 3 \leftarrow 4$ и $3 \leftarrow 4$, то нечто подобное можно было бы представлять и для *борца* – инварианта и вариантов.

Отвлечемся на время от слов и возможных на их основе словосочетаний, обозначающих интересующий нас советский людской позитив, подойдя к рассматриваемой в данный момент проблеме с теоретической стороны, с точки зрения построения. Теоретически можно принять, что если существует некоторый инвариант, определяемый к какой-то точке как точке исходного и ведущего для него, то его варианты могли бы распределяться далее как дополнения, расширения от нее. Огрубляя, т.е. не входя в смысловые аранжировки и тонкости, не задумываясь над соотношениями точек в реализациях, воплощаемых вербально, можно было бы предположить (сконцентрировавшись на идее отдельных точек как на акцентных, ведущих, иницирующих, открывающих какой-то коррелятивный и(ли) субординативный ряд) такое переключаемое и переходящее с одной позиции на другую наличие смыслов, которое (в данном случае для кумулятивного агента, но это возможно и в отношении всех других – аддитивного агента, таких же структуратива, квантитатива и сингулятива), допускало бы схему валентностно-векторных соотношений инварианта и вариантов. Иными словами, если принять, что ведущей, не аранжированной, не уточняемой, не скоррелированной, точкой в исходе для инварианта *бойца* была бы позиция 2 (кумулятивный агентив не ищущей мотивации боевой, т.е. запускаемой императивом, готовности (2) к действию в 3), а для инварианта *борца* – точка 3 (постоянство направленной силы (3) на достижение, обеспечение и защиту в 4), то теоретически их возможные варианты распределяли бы себя по пяти позициям (опять

же без корреляций и уточнений) на последующем уровне, как включенном для них, с возможным дальнейшим определением в тех же пяти позициях на каждом следующем уровне. То есть, теоретически, существует возможность, помимо *бойца*-инварианта для 2 кумулятивного агента, вариантов *бойца* 2.1., 2.2., 2.3., 2.4., 2.5., каждый из которых может иметь потенциально 2.1.1., 2.1.2., 2.1.3., 2.1.4., 2.1.5. в 2.1.; 2.2.1., 2.2.2., 2.2.3. и т.п. в 2.2. и т.д., с дальнейшим по уровням уточнением 2.1.1.1., 2.1.1.2. и т.п. для 2.1.1. и т.д.

Язык, естественно, не использует и не реализует всех возможных теоретических вариантов, и не в этом поиске состояла бы наша задача. Речь идет о потенци и процедуре – вариантного поиска и представления. Исходя из этой чисто теоретической предпосылки, можно было бы, не уточняя соотношений и лишь намечая входы, увидеть, предположить такое валентно-векторное распределение *бойца* в рассмотренных ранее разновидностях:

- боец (2) – 2.1. боец революции (боец идеи преобразователя, ведомого императивом: 2.1.2....);
- 2.2. боец за дело рабочего класса (боец призвания к миссии – постоянной готовности к мобилизующему толчку: 2.2.4.1....);
- 2.3. боец социалистического фронта (боец готовности действовать самозабвенно во имя достижения общей цели: 2.3.2.5....);
боец за высокое качество продукции (боец неуспокоенного поиска в движении к совершенству: 2.3.1.2.5....);
боец на фронте просвещения (боец обращенной поддержки: 2.3.4.5....);
- 2.4. красный боец (боец защиты и осуществления: 2.4.3....)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О «вверх и вперед» как важной, существенной составляющей в модели советизированных представлений позитива говорилось ранее в связи с номинативом *летчика* (см. [Червиньски 2008: 125]; [Вайс 2007: 42]).

2. Что не следовало бы понимать как отсутствие мотивации как таковой. Мотивация есть, но она в своей сути и постоянно одна – всенародное благо. Речь идет о готовности действовать, не требуя каждый раз объяснений, не верифицируя и не поддавая рефлексии их обоснованность и соответствие действительному положению вещей.

ЛИТЕРАТУРА

Вайс Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика 2007. № 3 (23). С. 34-60.

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. [Ре-принт V-го издания 1899 г.]. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991.

Латинско-русский словарь [Сост. И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков; Под общей редакцией С.И. Соболевского]. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. (ТСЯС) – СПб.: Фолио-пресс, 1998.

Словарь иностранных слов. (СИС) 9-е изд., испр. [Гл. ред. 6-го изд. Ф.Н. Петров] – М.: Русский язык, 1982.

Словарь русского языка в 4-х томах. (МАС) [Гл. ред. А.П. Евгеньева] 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981-1984.

Червиньски П. Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности (на материале обозначения лиц) // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). С. 110-127.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 132-147.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (2) // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 46-62.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (3) // Политическая лингвистика. 2009. № 3 (29). С. 69-86.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (4) // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 48-71.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (5) // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 55-73.

© Червиньски П., 2010